

Театр. Курьер.
2004. — нояб. (№ 11). — С. 16

Евгений Князев — одна из самых неоднозначных фигур в современном театре. Приход артиста на сцену и в кино не был триумфальным, его стали замечать со временем, а, заметив, искать фамилию в титрах и программах. Что-то беспокойное, тревожащее душу и сознание, присутствует во всех его ролях, будь то Незнамов в спектакле «Без вины виноватые», Герман в «Пиковой даме», Эрик Ларсен в мелодраме «Посвящение Еве» или Берлиоз в одноименной симфонической поэме. Как будто актер, проникнув в ту или иную человеческую личность, пытается ответить на мучающие нас вопросы: «Зачем я живу? Какой в этом смысл? И верно ли то, что я делаю?» И несмотря на то, что ему достаются в основном героические персонажи, после них остается ощущение какой-то недосказанности. И лишь в фарсе «Провокация», где Князев играет две острохарактерные роли, на сцене появляется грустный клоун, который все знает о себе и о нас, и о той жизни, где часто смеются сквозь слезы.

— В прошлом году вас выбрали на должность ректора Щукинского училища. Не мешает ли эта новая роль вашей актерской профессии?

— Все мы в жизни кого-то играем. Я знаю, какие задачи должен выполнять, чтобы хорошо сыграть роль ректора училища: наводить порядок, выверять учебные планы и штатное расписание. Рационально подходить к делу мне помогает первое техническое образование. А когда я репетирую на сцене, то все остальное от себя отстраняю.

— И все-таки кто вы больше по натуре — лидер или созерцатель?

— Я — лидер, потому что никогда не любил быть вторым. Хотя мне хотелось бы стать созерцателем жизни: бесцельно путешествовать, наслаждаться природой, а потом взять и сыграть что-нибудь для души. Но такое возможно только при финансовой независимости, а это, я думаю, нереально.

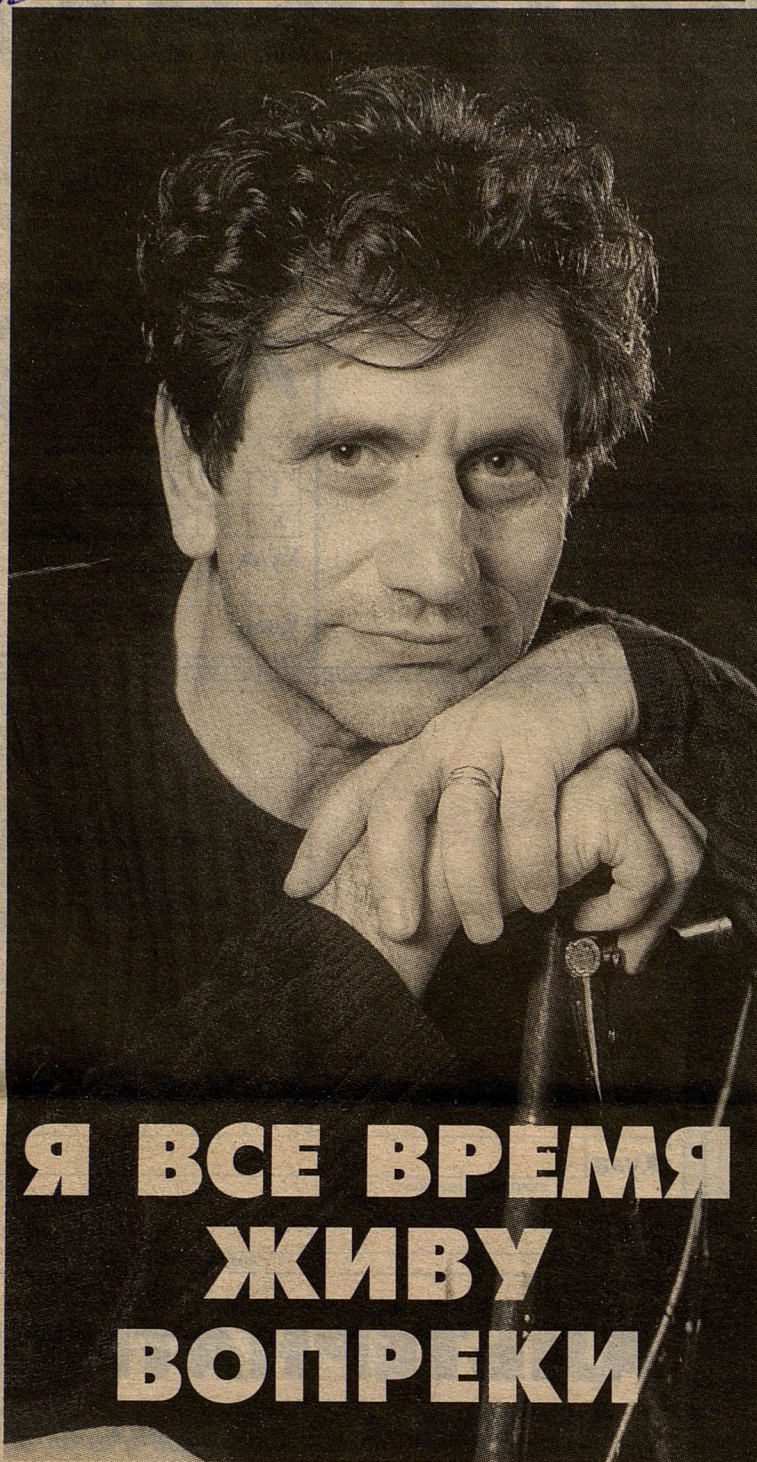
— Вам часто приходилось идти против течения, действовать вопреки установленным правилам?

— Я все время живу вопреки. Родители мои никакого отношения к театру не имели, я закончил горный институт — должен был стать инженером, специалистом по эскалаторам. Но вдруг бросил все и поступил в театральное училище. Для окружающих это был очень странный поступок. И все-таки мне кажется, что многое в жизни бывает уже заранее предопределено. Вот я совсем не собирался становиться ректором, а стал им, потому что не все мы можем предугадать и целиком построить свою судьбу. Но жизнь всегда предоставляет нам выбор и если мы сделаем верный ход, она нам обязательно поможет. Надо только честно заниматься своей профессией и все придет.

— Мне кажется, фатализм дает человеку ощущение защищенности: если все за нас уже предопределено, то нет причин бояться каких-то неожиданностей.

— Нет-нет. А в чем же моя защищенность? В том, что у меня звание народного артиста, что я — лауреат государственной премии, ректор училища? А вот я репетирую роль и волнуюсь, как ребенок: не знаю, получится она у меня или нет. И так во всем. Каждый раз я должен доказывать свою состоятельность заново.

— Бывали ли в вашей жизни провалы, когда казалось, что все кончено?

Я ВСЕ ВРЕМЯ ЖИВУ ВОПРЕКИ

— Самым страшным провалом была моя первая роль в театре Вахтангова. Это произошло на гастролях, где меня срочно ввели на роль Вельзевула в спектакле «Мистерия-буфф». На репетиции мне показали, где надо будет выйти и что сказать: «Здесь ты стучишь палкой и произносишь: «Черти мои верноподданные!». Когда на гриме мне намазали лицо черным и прикрепили рога, я увидел себя в зеркале и испугался. Дождавшись своего выхода, я бродил по коридору, повторяя текст, который уже знал наизусть. И вот мой выход — меня вытаскивают на сцену. Оркестр гремит, софиты слепят, я должен сказать какие-то слова, а вот какие — не помню. Мне что-то подсказывают, я пытаюсь повторить, но губы слипаются... Это был такой ужас, что я собирался ночью тайно покинуть гостиницу и убежать, куда глаза глядят.

А не так давно после спектакля «Ночь Игуань», который считаю для себя провальным, я физически заболел, даже попал в больницу. После провала трудно подниматься. Но что поделать, такова актерская профессия, когда ты карабкаешься, карабкаешься и вдруг валишься вниз. А затем снова, залечив раны и ушибы, начинаешь свой подъем.

— Какие из сыгранных вами ролей понравились вам больше всего?

— Я очень любил роль Панталоне в «Принцессе Турандот» в

постановке Черняховского. Это была новая версия, она отличалась от старого вахтанговского спектакля тем, что ориентировалась на новое время и на комедию Дель Арте, где, например, Панталоне обозначен как скверный, вечно всем недовольный брюзга с отвратительным характером. Но, к сожалению, мы начали репетировать в день, когда случился путч. Потом произошел штурм Белого дома. Обстановка в стране была очень напряженная. И в спектакле чудилась гроза, грядущие казни. Может быть, это испугало городское начальство или у нас что-то не до конца получилось, но спектакль сняли. Мне очень нравилось играть острохарактерную роль Шила в спектакле Петра Фоменко «Дело» по Сухово-Кобылину. Но его тоже сняли, потому что он показался мрачноватым. Потом мне почему-то стали предлагать героические роли. Но какой я герой. Я к себе отношусь иронично. И к внешности своей тоже.

— Вам не бывает обидно, что вы не так популярны, как многие постоянные участники телесериалов?

— Популярность и талант часто не соединяются. Можно быть суперпопулярным, но особым талантом не обладать. А кроме одаренности и работоспособности, нужна еще и удача. И звезда, которая тебя поведет по жизни. А заявлять о себе везде и всюду, бывать на тусовках — не в моем характере. Я бы просто извелся.

— Что для вас в жизни самое главное — семья или актерская профессия?

— Ничего более ценного, чем моя семья, у меня нет и быть не может. И если я скажу, что работа для меня — главное, я буду просто идиотом. Для меня самая большая потеря сегодня — смерть моей матери. Когда она лежала в больнице, я выпускал спектакль «Берлиоз», и говорил с ней только по телефону. Я все время спрашивал врача о ее здоровье, и тот говорил: «Ничего, ничего». И вот уже оставалась неделя до премьеры и я думал, что сыграю ее и мы будем с мамой проводить много времени вместе. Но за три дня до премьеры она умерла. В то время как раз шел фильм «Пятый ангел» и она говорила врачам: «Это мой сын!» Она гордилась мной, радовалась моим успехам. А я даже не попрощался с ней, хотя должен был все бросить и быть рядом. И теперь во мне живет это чувство вины, эта боль, которую я уже не могу отделить от себя. Как и своих детей. Обе моих дочери — школьницы, и утром я стараюсь отвезти их в школу, хотя они могут и сами дойти. Но только в машине мы можем с ними пообщаться, потому что когда я прихожу из училища, они уже спят.

— Кто же вас встречает дома после работы?

— Первыми меня встречают наши собачки. У нас их две: такса и чи-хуа-хуа. Они — члены семьи, которые так радуются, когда ты приходишь! Такса подпрыгивает и все время норовит тебя лизнуть, а малышка чу-хуа-хуа даже задымляется и не может прийти в себя, пока ты ее не возьмешь на руки, не поглядишь и не прижмешь к себе. Это такая любовь, такая искренность, такая преданность, которую не всегда видишь от людей. Ты садишься в кресло, а они усаживаются с двух сторон и смотрят на тебя, как будто зовут: «Пойдем с нами гулять».

— Есть в жизни что-то такое, с чем вы не можете смириться?

— Есть. Прежде всего с подлостью и предательством.

— Вам часто приходилось с ними сталкиваться?

— Нет. Предательство — по жанру трагедия. Она у меня случилась лишь однажды. И участвовал в ней человек, которого я считал своим другом. В тот момент я сдержался, чтобы не вступить с ним в конфликт, а потом долго его избегал. Он тоже не искал встреч со мной, а когда у меня дела пошли хорошо, он вдруг вернулся, сделал вид, что ничего не произошло. Я тоже не подал никакого вида, но для меня этот человек перестал существовать давно и навсегда.

— Интересно, а что вас может привести в восторг?

— Талант. Бывают спектакли, в которых играют здорово, вкусно, ярко. Я очень люблю Машу Аронову в комедии «За двумя зайцами», Юлию Константиновну Борисову в спектакле «Без вины виноватые» — смотрю на нее из-за кулис, и комок к горлу подступает. Или Василия Лановой, с которым я играю в спектакле «Посвящение Еве», такие вещи делает удивительные, что у меня сердце сжимается от радости. Когда мы вывозили на гастроли в Ленинград «Пиковую даму», то Петр Наумович Фоменко вел себя как мальчишка: пел песни, читал стихи, хохотал, рассказывал какие-то невероятные истории, и все это было так необыкновенно... Я могу смеяться от восторга.

Наталья САВВАТЕЕВА
Фото Кирилла ГАЛИЦКОГО

(11.11.11.04)
(11.11.11.04)

Князев Евгений